

УДК 327

EDN: ECNPSS

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran42025716>

**«СДЕРЖИВАНИЕ И УМИРОТВОРЕНИЕ»:
ДВОЙСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА НОРВЕГИИ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ**

Никита Константинович Игошин

Институт Европы РАН, Москва, Россия,
e-mail: egshen210@gmail.com, ORCID: 0009-0002-0846-5729

Ссылка для цитирования: Игошин Н.К. «Сдерживание и умиротворение»: двойная политика Норвегии в отношении России // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2025. № 4. С. 7–16. DOI: 10.15211/vestnikieran42025716

***Аннотация.** В статье анализируется эволюция стратегии «сдерживания и умиротворения» в политике безопасности Норвегии в отношении Советского Союза и Российской Федерации. Особое внимание уделяется теоретическому вкладу Юхана Йоргена Хольста, впервые концептуализировавшего двойственный подход как способ минимизации рисков конфронтации с восточным соседом. Рассматриваются ключевые элементы этой стратегии, включая запрет на размещение иностранных баз и ядерного оружия, ограничения на активность НАТО в приграничных районах и политико-дипломатические усилия по сохранению предсказуемости. Особое внимание уделено трансформации политики «сдерживания и умиротворения» после 2014 и особенно 2022 г. на фоне резкого ухудшения отношений России с членами Североатлантического альянса. Подчёркиваются внутренние противоречия между усилением оборонного сотрудничества с союзниками и стремлением избежать эскалации. Сделан вывод, что Норвегия по-прежнему придерживается стратегического баланса, рассматривая его как оптимальную модель поведения малой державы в условиях нарастающей геополитической напряжённости в Европе и Арктике.*

***Ключевые слова:** Норвегия, политика безопасности, сдерживание и умиротворение, НАТО, Россия, Юхан Йорген Хольст, самоограничения, Северная Европа.*

Статья поступила: 18.07.2025; после доработки: 31.07.2025; принята к печати: 12.08.2025.

**DETERRENCE AND REASSURANCE:
NORWAY'S DUAL POLICY TOWARD RUSSIA**

Nikita K. Igoshin

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
e-mail: egshen210@gmail.com, ORCID: 0009-0002-0846-5729

To cite this article: Igoshin, N.K. (2025). Deterrence and reassurance: Norway's dual policy toward Russia. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN* 46(4): 7–16. (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran42025716

Abstract. *The article examines the evolution of the «deterrence and reassurance» strategy in Norway's security policy toward the Soviet Union and the Russian Federation. Special attention is given to the theoretical contribution of Johan Jørgen Holst, who first conceptualized this dual-track approach as a means of minimizing the risks of confrontation with the eastern neighbour. The key elements of the strategy are explored, including the ban on foreign military bases and nuclear weapons, restrictions on NATO activity in border areas, and politico-diplomatic efforts to maintain strategic predictability. Particular focus is placed on the transformation of deterrence and reassurance after 2014, and especially after 2022, against the backdrop of sharply deteriorating relations between Russia and the West. The article highlights the internal contradictions between the strengthening of military cooperation with allies and Norway's ongoing efforts to avoid escalation. It concludes that Norway continues to pursue strategic balance as an optimal policy model for a small state amid growing geopolitical tensions in Europe and the Arctic.*

Key words: Norway, security policy, deterrence and reassurance, NATO, Russia, Cold War, Johan Jørgen Holst, Nordic Europe.

Article received: 18.07.2025; revised: 31.07.2025; accepted: 12.08.2025.

Вооружённый конфликт на Украине, ставший крупнейшим европейским кризисом безопасности со времён Второй мировой войны, радикально изменил восприятие угроз на континенте. В этих условиях особое значение приобретает опыт Норвегии, которой на протяжении десятилетий удавалось сочетать участие в НАТО (с 1949 г.) с добрососедскими отношениями с Советским Союзом, а затем и с Российской Федерацией.

Разработанная Осло стратегия «сдерживания и умиротворения»¹ в отношении СССР/России имеет долгую историю и с конца 1960-х гг. считается краеугольным элементом национальной политики безопасности. Она формировалась в контексте холодной войны и получила теоретическое оформление в трудах норвежского политолога Юхана Йоргена Хольста, занимавшего пост министра иностранных дел в 1993–1994 гг. В последние годы, особенно после 2014 г. и событий 2022 г., эта стратегия вновь оказалась в центре экспертных и политических дебатов. К обсуждению принципов «базовой политики» и «стратегической предсказуемости» регулярно обращаются норвежские исследователи (Wilhelmsen 2022, Cameron 2024, Vjur 2024, Solli 2024), действующие и бывшие политики, члены стортинга. Их внимание сосредоточено на вопросах целесообразности сохранения традиционных военных самоограничений, допустимых пределах активности НАТО на Севере и перспективах диалога с российской стороной. Тем не менее в самой России данная концепция практически не изучена, хотя именно Москва исторически выступает её главным объектом. Это побуждает обратиться к содержательному анализу как истоков, так и эволюции норвежской политики в условиях меняющегося международного контекста.

«Сдерживание и умиротворение»: истоки концепции

По завершении Второй мировой войны Норвегия оказалась в особом стратегическом по-

¹ Норв. *avskrekking og beroligelse*.

ложении. В 1949 г. она вошла в число государств – основателей НАТО, однако при этом оставалась единственной страной альянса с общей границей с СССР и не имела сухопутного сообщения с другими союзниками. Подобная уязвимость северного фланга НАТО вынудила Осло искать баланс между военным сдерживанием потенциальной угрозы со стороны Советского Союза и параллельными шагами по его умиротворению – то есть снижению обеспокоенности Москвы оборонной политикой Норвегии (Ристе 2003: 272–290). Уже в январе 1949 г., незадолго до подписания Североатлантического договора, норвежское правительство заверило СССР, что не допустит создания иностранных военных баз на своей территории, пока Норвегия не подвергнется угрозам или нападению (Lodgaard 1977: 209). Тем самым были заложены основы двойственной политики безопасности Норвегии в отношении СССР, комбинировавшей военное сдерживание и дипломатическое умиротворение.

Норвежский политолог и государственный деятель Юхан Йорген Хольст сыграл ключевую роль в теоретическом осмыслении и практическом претворении данной стратегии. Получив образование в США в 1960-х гг., в период активного развития теорий ядерного сдерживания (работ Т. Шеллинга и др.), Хольст смог рассматривать проблемы стратегической стабильности в широком контексте. Вернувшись на родину, он вошёл в политическое руководство: в 1986–1993 гг. занимал должность министра обороны, а в 1993–1994 гг. – министра иностранных дел (Cameron 2024: 366–369). Будучи к тому же ведущим исследователем в Норвежском институте внешней политики, Хольст сформулировал концептуальные основы политики безопасности, органично связав академические идеи с реальными потребностями малой страны.

Именно Хольст впервые ввёл в научный и политический оборот концепцию «сдерживания и умиротворения» применительно к курсу Осло в отношении СССР. В своей статье 1966 г. «Норвежская политика безопасности: стратегический контекст» он теоретически обосновал, что Норвегия должна, с одной стороны, сдерживать возможную агрессию через членство в НАТО и военное сотрудничество со странами Запада, а с другой – уверять Москву в отсутствии наступательных намерений (Holst 1966: 65). Такая установка предполагала демонстрацию подчёркнуто оборонительного характера норвежской политики. В дальнейшем «баланс сдерживания и умиротворения» стал одной из ключевых парадигм национальной безопасности. Изначально новаторская концепция со временем настолько вошла в канон норвежской стратегии, что сегодня воспринимается политическим руководством Королевства как нечто само собой разумеющееся (Vjug 2024: 392).

Политика умиротворения обрела конкретные формы в виде целого ряда самоограничительных мер. Как уже указывалось выше, ещё в 1949 г. Осло односторонне отказался размещать на своей территории иностранные военные базы в мирное время (т.н. «базовая» политика) (Ристе 2003: 290–294). В 1950–1960-х гг. сложилась и «ядерная политика» – запрет на хранение ядерного оружия в Норвегии, закреплённый резолюцией стортинга 1961 г. (Egeland 2019: 2). В 1975 г. премьер-министр Трюгве Браттели объявил, что норвежские порты закрыты для захода союзных кораблей с ядерным оружием на борту («доктрина Браттели») (Игошин 2025: 194). Кроме того, Осло ввёл дополнительные ограничения на военную активность НАТО вблизи советской границы: учения не проводились в приграничном Финнмарке, а присутствие союзных сил на Крайнем Севере было ограничено. Тем самым Норвегия последовательно подтверждала оборонительный характер своего участия в альянсе, стремясь минимизировать раздражители для СССР. Показательно, что к концу 1960-х гг. в Западной Европе было развёрнуто порядка 8 тыс. американских ядерных боезарядов, но ни одного в Норвегии (The U.S. Nuclear Presence... 2020).

Принципы Хольста впервые подверглись серьёзному испытанию в 1970–1980-х гг. Ко-

гда страны НАТО в 1979 г. приняли «двойное решение» о размещении новых ядерных ракет в Европе, именно Хольст обеспечил поддержку Норвегией этого шага, который рассматривался как часть военного сдерживания СССР (Cameron 2024: 373). Одновременно норвежское руководство стремилось сохранять верность курсу умиротворения. Так, в разгар нового обострения холодной войны премьер-министр Норвегии Одвар Нурдли в январе 1981 г. высказался в поддержку идеи создания безъядерной зоны в Северной Европе – изначально финской инициативы, положительно воспринятой руководством СССР (Кутнаева 2013: 50–51). Однако реакция союзников Норвегии по Североатлантическому альянсу оказалась резко негативной: в Вашингтоне предупредили, что если Осло присоединится к безъядерной зоне, то поставит под угрозу свои оборонные гарантии. Столкнувшись с давлением, Норвегия была вынуждена отказаться от этой идеи (Cameron 2024: 376–381). Эпизод с безъядерной зоной показал ограниченность политики «сдерживания и умиротворения» в условиях нараставшей гонки вооружений. Тем не менее на протяжении 1980-х гг. Осло продолжал лавировать между обязательствами по НАТО и стремлением избегать шагов, которые могли бы интерпретироваться Москвой как угроза.

Двойственная стратегия Хольста изначально несла в себе внутренние противоречия. Сочетание противоположных импульсов – усиления обороны и одновременного использования уступок – требовало тонкого баланса, поддерживать который было проблематично. Одна из сложностей заключалась в том, что демонстрация Норвегией политики «сдерживания и умиротворения» вовсе не означала её однозначного восприятия Советским Союзом: Москва могла трактовать шаги Осло не так, как предполагалось (Wilhelmsen 2022: 1–2). Кроме того, многие уступки имели не столько внешнее, сколько внутреннее предназначение: снижая опасения норвежского общества относительно конфронтации, они позволяли правительству наращивать меры военного сдерживания. Так, Ингеборг Бьюр из норвежского Института оборонных исследований выделяет «две концепции» балансирования, направленные соответственно либо на внешнеполитическое успокоение противника, либо на внутреннюю легитимацию оборонного курса (Bjur 2024: 395–405). Эта дилемма отражала ограничения баланса по Хольсту: он являлся скорее хрупким компромиссом, нежели долговременным решением по снижению геополитических рисков.

Наследие Юхана Хольста не исчезло и после окончания холодной войны. В 1990-е гг. прямое противостояние с Россией сошло на нет, однако Норвегия не отказалась от заложенных принципов: мораторий на иностранные базы и ядерное оружие остался частью её официальной политики безопасности. Обострение отношений с Россией в 2010-е гг. сделало стратегические идеи Хольста вновь актуальными: норвежское руководство столкнулось с необходимостью найти баланс между «сдерживанием и умиротворением».

«Сдерживание и умиротворение» на современном этапе

2014 г. стал поворотным моментом для норвежской политики безопасности. Начало украинского кризиса подорвало доверие, сформировавшееся между Российской Федерацией и странами Запада после 1991 г., возродив в Европе атмосферу геополитического соперничества. Глубоко интегрированная в европейские и атлантические структуры Норвегия была автоматически вовлечена в новый кризис европейской безопасности, что подтолкнуло Осло к переоценке собственных стратегических подходов. Хотя норвежские лидеры по-прежнему не объявляли Россию непосредственной угрозой для страны, общий климат двусторонних отношений ухудшился. Уже в августе 2014 г. Норвегия присоединилась к санкциям Евросоюза против России, ограничив экспорт вооружений, технологий для нефтегазового сектора и въезд

отдельных лиц на территорию страны (Mann 2014). К концу 2014 г. оборонное сообщество Норвегии заговорило о возврате холодной войны на Крайнем Севере как о «новой нормальности» (Loss of Confidence-Building Arenas... 2016). Постепенно сформировался консенсус, что эпоха сотрудничества завершается, и поэтому традиционная стратегия баланса между «сдерживанием и умиротворением» требует адаптации к изменившейся реальности.

В 2014–2022 гг. Норвегия заметно укрепила свой оборонительный потенциал и активнее опиралась на союзнические связи по НАТО. Так, оборонный бюджет вырос с 7,34 млрд долл. в 2014 г. до 8,7 млрд в 2022 г. (The Norwegian Defence Budget for 2014... 2013; Strengthens the Armed Forces... 2022). Осло приступил к перевооружению: было закуплено 52 истребителя F-35A, из них к 2022 г. поставлены 34; началось строительство новых подводных лодок типа 212CD в партнёрстве с Германией (контракт с *Thyssenkrupp*, 2021) (Ceremony for the major submarine contracts... 2021). Норвежские силы участвовали в крупных учениях НАТО, включая *Trident Juncture 2018* (50 тыс. военнослужащих из 31 страны), *Cold Response* (регулярно с 2016 г., в 2022 г. – около 30 тыс. участников) (Exercise Trident Juncture... 2018; Cold Response... 2022). Были предприняты шаги, которые ранее считались нежелательными из опасения спровоцировать Москву. Например, в 2017 г. на ротационной основе в Норвегии разместились контингент морской пехоты США (первые иностранные войска на норвежской территории со времён Второй мировой войны), позднее увеличенный до 700 человек (Fouche 2018). К 2018 г. на регулярной основе стали производиться заходы атомных подводных лодок союзников в норвежские порты на севере (Nilsen 2018). Несмотря на такой поворот к усиленному сдерживанию, официальная риторика Осло подчёркивала приверженность базовым принципам. Норвежское руководство старалось формально придерживаться прежних самоограничений, заявляя, что новые меры носят оборонительный и временный характер и не противоречат традиционной «базовой» политике (Norway to invite more U.S. Marines... 2018). Таким образом, до 2022 г. Норвегия балансировала: усиливала военное сотрудничество с союзниками и свой потенциал сдерживания, но параллельно старалась минимизировать факторы, которые Москва могла бы расценить как прямую угрозу.

С точки зрения России, описанные шаги Осло свидетельствовали о постепенном отходе Норвегии от политики умиротворения и воспринимались как угроза стратегическим интересам РФ в северном регионе. Москва традиционно высоко ценила предсказуемость поведения Норвегии, однако усиление присутствия НАТО в пограничных регионах не могло не вызвать негативной реакции. Так, резко отрицательно Кремль воспринял решение о размещении в Норвегии американских морских пехотинцев и последующее расширение этого контингента. В 2018 г. российское посольство открыто предупредило, что удвоение численности морпехов США и их перебазирование ближе к границе делает Норвегию «менее предсказуемой» для России, повышает напряжённость и грозит гонкой вооружений в Северной Европе (Knudsen 2018). В официальной риторике РФ Норвегия всё чаще причислялась к «недружественным государствам» из-за её поддержки санкций и активизации взаимодействия с союзниками по альянсу. В 2024 г. российский МИД вновь выразил обеспокоенность, заявив, что приграничные районы Норвегии превращаются в «хорошо вооружённый и укреплённый участок Североатлантического альянса», что, по мнению Москвы, ведёт к росту напряжённости у границ (Захарова заявила... 2024). Иными словами, в российском восприятии балансирующая политика Осло утратила прежнюю убедительность: превентивные самоограничения Норвегии перестали компенсировать тот факт, что она остаётся активным членом НАТО, а значит – частью угрозы для России.

С началом специальной военной операции в феврале 2022 г. руководство Норвегии про-

должило усиление политики сдерживания. Правительство Королевства решительно осудило действия Москвы и присоединилось к новым санкциям, одновременно ускорив меры по укреплению обороны. Программа учений с партнёрами была расширена: в марте 2022 г. Норвегия провела масштабные манёвры *Cold Response 2022* с участием более 30 тыс. военнослужащих из 27 стран, отрабатывая действия в условиях арктического климата (*Exercise Cold Response... 2022*). Особое внимание уделялось сотрудничеству в области разведки и безопасности, включая усиленную охрану североморских нефтегазовых объектов и подводной инфраструктуры, учитывая возросшие риски гибридных угроз, таких как саботаж и кибератаки (В Норвегии усилили охрану... 2022). В 2022 г. парламент Норвегии ратифицировал новое Соглашение о расширенном оборонном сотрудничестве с США, предусматривающее создание районов совместного норвежско-американского военного использования на четырёх норвежских военных базах – шаг, который ещё десятилетие назад было трудно вообразить из-за риска испортить отношения с Россией (*Supplementary Defense Cooperation Agreement... 2021*).

После 2022 г. Норвегия последовательно реализует политику усиленного сдерживания, подкрепляя её новыми договорённостями. В 2023 г. был опубликован всеобъемлющий Отчётный доклад Оборонной комиссии, призвавший к радикальному увеличению военного бюджета и укреплению вооружённых сил Норвегии на фоне возросшей угрозы со стороны России (*Norwegian Defence Commission... 2023*). Первоначально правительство планировало достичь уровня оборонных расходов в 2% ВВП к 2026 г., однако этот показатель был превышен досрочно – уже в 2024 г., составив 2,09% (*The Norwegian Defence Pledge... 2024*). Кроме того, в 2023 г. между Норвегией и Великобританией было заключено соглашение о 10-летней аренде военной базы Кэмп-Вайкинг для размещения на её территории контингента Королевской морской пехоты Великобритании в одну тысячу военнослужащих (*Grønning 2023*). Реализуется Соглашение о расширенном оборонном сотрудничестве с США: началось строительство инфраструктуры совместного использования (на авиабазах Эрланн, Сула и др.), а в феврале 2024 г. в Соглашение была внесена поправка, увеличившая количество районов совместного использования до 12 (*Supplementary Defense Cooperation Agreement... 2021*). Осло активно участвует в координации планов обороны северного региона, в т.ч. в рамках Северного оборонного сотрудничества (НОРДЭФКО¹). В 2023 г. цели НОРДЭФКО были переформулированы и представлены в программном документе «Видение Северного оборонного сотрудничества 2030». Впервые в истории объединения была чётко закреплена задача «проводить и командовать совместными комбинированными операциями через общее оперативное планирование», что говорит о стремлении превратить НОРДЭФКО из преимущественно дискуссионной площадки в реальный военно-политический механизм с собственными командными структурами (*New Vision for... 2023*).

Тем не менее важно отметить, что норвежское руководство стремилось встроить каждую из новых инициатив в прежнюю концепцию предсказуемости. Ключевые самоограничения были подтверждены и после 24 февраля 2022 г.: Осло формально не идёт на постоянное размещение иностранных баз или ядерного оружия. Так, Соглашение о расширенном оборонном сотрудничестве между США и Норвегией предполагает размещение американских военных на территории Норвегии на временной основе (подобным образом было оформлено и размещение морских пехотинцев в 2017–2020 гг.), а в самом его тексте несколько раз повторяется: «Ничто в данном Соглашении не меняет норвежскую политику в отношении размещения иностранных сил на территории Норвегии, а также складирования или размещения ядерного оружия на территории Норвегии» (*Supplementary Defense Cooperation Agreement... 2021*). Что

¹ Англ. NORDEFCO – *Nordic Defence Cooperation*.

касается военной базы Кэмп-Вайкинг, где размещён контингент морской пехоты Великобритании, их присутствие формально ограничено 10 годами (кроме того, норвежское правительство может ссылаться на более ранний опыт временного размещения морской пехоты США в 2017–2020 гг. как доказательство своей приверженности «базовой» политике). Продолжают частично действовать ограничения на активность союзников в пограничной губернии Финнмарк. Например, их разведывательные самолёты, такие как *RC-135*, по-прежнему обходят северо-восточную оконечность Норвегии, огибая полуостров Варангер, прежде чем выйти в международное воздушное пространство над Баренцевым морем. Аналогично, союзные сухопутные войска могут проводить учения в восточной Лапландии, близ российско-финской границы, но не в районе Варангера (Nilsen 2023). Интересно, что именно сейчас, в 2025 г., в норвежских экспертных и политических кругах активизировалась дискуссия о снятии ограничений с Финнмарка: по-видимому, на фоне военных учений *Northern Strike 125* и *Northern Star 25* в Финляндии норвежская позиция по Финнмарку стала слишком неоднозначной (Nilsen 2025). Окончательное решение в отношении Финнмарка тем не менее правительством в Осло всё ещё не принято.

Подобный консерватизм в отношении мер «умиротворения» подтверждается и публичными заявлениями политического руководства Норвегии. Ещё в 2022 г. Анникен Хюитфельдт (министр иностранных дел в 2021–2023 гг.) подчёркивала, что комбинация сдерживания и диалога остаётся краеугольным камнем политики Осло: «Политика сдерживания и умиротворения по-прежнему лежит в основе нашего курса в отношении России. Даже в текущей ситуации мы не можем отказаться от одного в пользу другого» (Huitfeldt 2022). Хюитфельдт отметила, что хотя значение сдерживания возросло («именно на нём основана наша безопасность»), Норвегия не отказывается и от элементов умиротворения – во избежание недоразумений, для снижения напряжённости и поддержания каналов диалога. Премьер-министр Йонас Гар Стере также подчёркивал в 2024 г., что все решения по размещению союзнических сил принимаются Норвегией суверенно, а её политика остаётся «последовательной и предсказуемой». По словам Стере, у Норвегии «нет планов менять устоявшийся, узнаваемый характер оборонной активности» возле границы с Россией (Address to the Storting... 2024). Таким образом, к 2025 г. стратегическая линия Норвегии представляет собой своеобразный компромисс: страна ощутимо усилила свой военный потенциал и интеграцию с НАТО, но параллельно продолжает декларировать сдержанность и приверженность прежним особым обязательствам, чтобы не разрушить сложившееся равновесие на Крайнем Севере.

* * *

В ближайшей перспективе норвежская политика «сдерживания и умиротворения», вероятно, сохранит свою значимость, хотя и будет подвергаться постепенной деградации. Рост напряжённости в Европе и отсутствие доверия к Москве побудила страны Северной Европы – прежде всего Швецию и Финляндию – сделать ставку на жёсткое сдерживание, отбросив прежние ограничения. В Норвегии тоже звучат голоса, призывающие отказаться от самоограничений во имя безопасности. Тем не менее официальная точка зрения остаётся иной. Руководство Норвегии убеждено, что именно сбалансированный подход позволил стране десятилетиями избегать конфликтов с восточным соседом и по возможности сохранять низкую напряжённость в Арктическом регионе. К тому же норвежское руководство извлекает значительные политические выгоды из юридической неопределённости самоограничений, замедляя процесс милитаризации Арктического региона, несмотря на давление союзников по НАТО. Можно предположить, что норвежская политика «сдерживания и умиротворения» – и её

сущностное наполнение, самоограничения – продолжится и в ближайшие годы, став одним из немногих-сохранившихся элементов, поддерживающих баланс сил в Северной Европе.

Список литературы/ References

Address to the Storting on the security policy situation. Regjeringen.no. 04.04.2024. Available at: <https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/address-to-the-storting-on-the-security-policy-situation/id3044985/> (accessed 22.05.2025).

Bjur, I.N. (2024). The dual «dual» policy: Two conceptions of «deterrence and reassurance». Norwegian security policy and analyses. *Journal of Strategic Studies* (3): 387–409. DOI: 10.1080/01402390.2024.2334765

Cameron, J. (2024). Deterrence, reassurance and strategic stability: The enduring relevance of Johan Jørgen Holst. *Journal of Strategic Studies* (3): 363–386. DOI: 10.1080/01402390.2024.2321135

Ceremony for the major submarine contracts between Norway and Germany. ThyssenKrupp Marine Systems. 2021. Available at: <https://www.thyssenkrupp-marinesystems.com/en/newsroom/press-releases/press-detail-page/ceremony-for-the-major-submarine-contracts-between-norway-and-germany-163061> (accessed 22.05.2025).

Cold Response 2022 – NATO and partner forces face the cold. NATO. 2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_192351.htm (accessed 22.05.2025).

Egeland, K. (2019). Oslo's «new track»: Norwegian nuclear disarmament diplomacy, 2005–2013. *Journal for Peace and Nuclear Disarmament* (2): 468–490. DOI: 10.1080/25751654.2019.1671145

Exercise Cold Response 2022 – NATO and partner forces face the freeze in Norway. NATO. 07.03.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_192351.htm (accessed 22.05.2025).

Exercise Trident Juncture 2018. NATO. 2018. Available at: <https://www.nato.int/cps/en/natohq/157833.htm> (accessed 22.05.2025).

Fouche, G. (2018). Norway to invite more U.S. Marines, for longer and closer to Russia. Reuters. 2018. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-norway-us-russia/norway-to-invite-more-u-s-marines-for-longer-and-closer-to-russia-idUSKBN1J8149/> (accessed 22.05.2025).

Grønning, T. (2023). Storbritannia skal øve i Nord-Norge i ti år framover. NRK.no. 08.03.2023. Available at: <https://www.nrk.no/tromsogfinnmark/storbritannia-skal-ove-i-nord-norge-i-ti-ar-framover-1.16327040> (accessed 22.05.2025).

Holst, J.J. (1966). Norwegian security policy: The strategic context. *Cooperation and Conflict* (1): 64–79. DOI: 10.1177/001083676600100404

Huitfeldt, A. (2022). Utenrikspolitisk redegjørelse 22. mars. Regjeringen.no. 22.03.2022. Available at: <https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/utenrikspolitisk-redegjorelse-22.-mars/id2904996/> (accessed 22.05.2025).

Knudsen, C. (2018). Russia vows consequences after Norway invites more U.S. Marines. Reuters. 14.06.2018. Available at: <https://www.reuters.com/article/world/russia-vows-consequences-after-norway-invites-more-u-s-marines-idUSKBN1JA1XW/> (accessed 22.05.2025).

Lodgaard, S., Gleditsch, N.P. (1977). Norway — the not so reluctant ally. *Cooperation and Conflict* (4): 209–219.

Mann, S. (2014). Norway aligns with EU sanctions regime against Russia. Baker McKenzie. 10.10.2014. Available at: <https://sanctionsnews.bakermckenzie.com/norway-aligns-with-eu-sanctions-regime-against-russia/> (accessed 22.05.2025).

New Vision for Nordic Defence Cooperation 2030. NORDEFECO. 30.04.2023. Available at: <https://www.nordefco.org/New-Vision-for-Nordic-Defence-Cooperation-2030> (accessed 22.05.2025).

Nilsen, T. (2018). Nuclear submarines inshore Norway 3 to 4 times monthly. The Barents Observer. 2018. Available at: <https://www.thebarentsobserver.com/security/nuclear-submarines-inshore-norway-3-to-4-times-monthly/152931> (accessed 22.05.2025).

Nilsen, T. (2023). Norway's self-imposed military restrictions are outdated, professor argues. The Barents Observer. 15.08.2023. Available at: <https://www.thebarentsobserver.com/security/norways-selfimposed-military-restrictions-are-outdated-professor-argues/421178> (accessed 22.05.2025).

Nilsen, T. (2025). Marte Gerhardsen works to change Norway's self-imposed military restrictions near border with Russia introduced by her grandfather in 1949. The Barents Observer. 09.05.2025. Available at: <https://www.thebarentsobserver.com/security/marte-gerhardsen-works-to-change-norways-selfimposed-military-restrictions-near-border-with-russia-introduced-by-her-grandfather-in-1949/429457> (accessed 31.07.2025).

Norwegian Defence Commission proposes new level of ambition. Forsvarskommisjonen. 04.05.2023. Available at: <https://forsvarskommisjonen.no/2023/05/04/norwegian-defence-commission-proposes-new-level-of-ambition/> (accessed 22.05.2025).

Strengthens the Armed Forces and prioritizes daily preparedness and operations. Regjeringen.no. 06.10.2022. Available at: <https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/strengthens-the-armed-forces-and-prioritizes-daily-preparedness-and-operations/id2931444/> (accessed 22.05.2025).

Solli, P.E. (2024). Deterrence and (Re)assurance in the High North – Finland and Norway Compared. NUPI Policy Brief (4): 1–4.

Supplementary Defense Cooperation Agreement Between the Government of the Kingdom of Norway and the Government of the United States of America. Government of Norway. 16.04.2021. Available at: https://www.regjeringen.no/contentassets/077c7bbef47a4ea4bc756b1703ea9c9d/avtal_tetekst-sdca-engelsk.pdf (accessed 22.05.2025).

Tenold, I.G. (2024). Analysing Norway's Deterrence and Reassurance Strategy After the Ukraine-Russia War. Master Thesis in Political Science. Oslo: University of Oslo.

The New North: Loss of Confidence-Building Arenas. High North News. 16.06.2016. Available at: <https://www.highnorthnews.com/en/new-north-loss-confidence-building-arenas> (accessed 22.05.2025).

The Norwegian Defence Budget for 2014. DefenceTalk. 2013. Available at: <https://www.defencetalk.com/the-norwegian-defence-budget-for-2014-49382/> (accessed 22.05.2025).

The Norwegian Defence Pledge. regjeringen.no. 2023. Available at: <https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/the-norwegian-defence-pledge/id3032809/> (accessed 22.05.2025).

Wilhelmsen, J. (2022). Avskrekking og beroligelse. Hvilken effekt har denne politikken, herunder basepolitikken, hatt for Russlands politikk overfor Norge? Rapport til forsvarskommisjonen. Oslo: NUPI.

В Норвегии усилили охрану нефтегазовых объектов после ЧП на «Северных потоках». Известия. 28.09.2022. [Norway Tightens Security of Oil and Gas Facilities After Nord Stream Incident. Izvestia. 28.09.2022. (In Russian)]. Available at: <https://iz.ru/1402411/2022-09-28/v-norvegii-usilili-okhranu-neftegazovykh-obektov-posle-chp-na-severnykh-potokakh> (accessed 22.05.2025).

Захарова заявила, что милитаризация севера Норвегии не повысит его безопасность. ТАСС. 20.07.2024. [Zakharova Stated That Militarization of Northern Norway Will Not Increase Its Security. TASS. 20.07.2024. (In Russian)]. Available at: <https://tass.ru/politika/21409919> (ac-

cessed 30.07.2025).

Игошин, Н.К. (2025). Норвежская политика военных самоограничений на современном этапе: вызовы и противоречия // Современная Европа (1): 193–203. [Igoshin, N.K. (2025). Norway's Policy of Self-Imposed Military Restrictions: Contemporary Challenges and Contradictions. *Sovremennaya Evropa* 2025 (1): 193–203. (In Russian)]. DOI: 10.31857/S0201708325010164

Кан, А.С. (отв. ред.) (1980). История Норвегии. М.: Наука. [Kan, A.S. (ed.) (1980). *History of Norway*. Moscow: Nauka. (In Russian)].

Кутнаева, Н.А. (2013). Безъядерная зона в Северной Европе: идеи и реальность // Европейский процесс: страны и регионы (3): 41–52. [Kutnaeva, N.A. (2013). Nuclear-weapon-free Zone in Nordic Europe: Ideas and Reality. *European Process: Countries and Regions* (3): 41–52. (In Russian)].